

Массив Разделения Духов использовал силу, которая шла вразрез с естественным порядком, чтобы насильственно изменять духовные вены, и был чрезвычайно трудным в установке. Для этого требовалось 108 флагов и 108 культиваторов на стадии Зарождающейся Души и выше. Зарождающаяся Душа уже была впечатляющим уровнем среди культиваторов, и любая секта, которая могла задействовать более пятидесяти человек одновременно, автоматически занимала первое место в мире культивирования.

108 ученикам на стадии Зарождающейся Души требовалась коллективная сила всех праведных сект, чтобы собраться, и, если бы им не хватало хотя бы одного человека, массив разрушился бы, и все их усилия были бы напрасны.

Секты были очень избирательны в выборе учеников в группе, боясь, что один из них может иметь дело с демонической сектой, или их воля не будет достаточно твердой, и на них повлияет внутреннее смятение. Все 108 учеников, которых они выбрали, были будущими фундаментами праведных сект. Только когда они были уверены, что система не будет нарушена, они чувствовали себя свободными атаковать демонические секты.

Они никогда не думали, что Шу Яньянь заложила бомбу замедленного действия в праведных сектах одиннадцать лет назад, и теперь, одиннадцать лет спустя, это разрушило Массив Разделения Духов и пошатнуло весь план праведных сект. В воздухе женщина в белом держала в одной руке Зарождающуюся Душу праведного культиватора и небрежно засунула ее в свое волшебное оружие, нераскрытую паучью лилию.

Связывающее оружие Шу Яньянь было почти демоническим артефактом, таким же алчным и смелым, как и она сама. Оно требовало, чтобы его кормили Зарождающейся Душой каждый раз, когда оно использовалось.

После поглощения Зарождающейся Души Хэ Вэньчао паучья лилия медленно раскрылась, и среди призраков Цю Консюэ расцвели цветы, образовав кроваво-красную дорожку, подобную той, что вела потерянные души в загробную жизнь.

Оставшиеся 107 учеников с отчаянием наблюдали за этими двумя прекрасными, но порочными женщинами и постепенно потеряли сознание среди аромата паучьих лилий.

— Шу Яньянь! — крикнула Цю Консюэ. — Твои цветы проглотили нескольких моих призраков!

— Ты знаешь мои лилии, — беззаботно сказала Шу Яньянь. — Даже я не могу их контролировать. Они съедят кого захотят. Способна ли ты контролировать своих призраков? Каждый раз, когда я оказываюсь рядом с тобой, я слышу, как эти призраки грызут кости — разве это не больно? Неудивительно, что ты никогда не сможешь победить Достопочтенного Лорда даже на стадии Махаяны. Ты даже не можешь контролировать свое собственное оружие, это так жалко.

Две женщины продолжали насмехаться друг над другом, уничтожая вражеские силы. Цю Консюэ проворчала:

— Достопочтенный Лорд даже не позволит мне съесть ни одной из их душ. Я не могу этого вынести.

Она стиснула свои мертвенно-белые зубы.

— Достопочтенный Лорд сказал, что мертвые культиваторы могут перевоплотиться в обычных людей в своей следующей жизни, поэтому, если нет глубокой обиды, нет необходимости

уничтожать чью-то душу, — сказала Шу Яньянь. — Мы, убивающие культиваторов, — это те, кто бросает вызов небесам, убивающие других, кто бросает вызов небесам, поэтому космический закон не назначит нам никакого преступления. Но уничтожение души — это нарушение системы шести путей перевоплощения. За такое следует наказание небес, и наши невзгоды будет труднее перенести.

— Он демонический культиватор, который убивает людей, не задумываясь, но у него есть заикленность на странных вещах, — неодобрительно сказала Цю Консюэ. — После того, как я впервые ступила на Путь Асуры, я никогда не думал о том, чтобы повернуть назад.

Шу Яньянь пожала плечами.

— Ты можешь сколько угодно не одобрять Достопочтенного Лорда, но сначала ты должна суметь победить его. В секте Сюаньюань сила неизменно приносит пользу.

Наряду с цветением паучьих лилий Шу Яньянь, Дубхе медленно окрашивался в красный цвет в небе, сияя кровавым светом.

— Действительно, — сказал мастер секты Цзюсин. — Эти три звезды, Полис, Алькаид и Дубхе, являются нашими самыми большими препятствиями в этой войне.

Мастер долины Билуо сказал:

— Тогда нам повезло, что у нас все еще есть запасной план.

— Ами табха, — настоятель храма Усян мягко щелкнул четками в своей руке и, произнеся имя Будды, подбросил их в воздух.

В то же время Шу Яньянь и Цю Консюэ увидели над своими головами павлина, сияющего разноцветным божественным светом. Под светом паучьи лилии увяли. Улыбка Шу Яньянь застыла на ее губах, и она тупо сказала:

— Ни за что, буддисты даже призвали Великого короля Мудрости Павлина?

В буддийских учениях говорилось, что павлин родился от феникса и любил есть людей. Однажды она проглотила Будду, который разрезал ей живот и сбежал, и хотел убить ее. Другие Будды отговорили его, полагая, что павлину суждено возродиться, поэтому он запечатал ее в духовной горе и дал ей титул «Мать Будды, Великая Бодхисаттва Короля Мудрости Павлина».

Говорили, что Король Павлинов обладает силой защищать от бедствий, лечить болезни и продлевать жизнь. Цветы Шу Яньянь и призраки Цю Консюэ оба были бессильны перед его мощью.

Под светом Будды паучьи лилии увяли, и мстительные призраки вернулись на тропы сансары.

У Шу Яньянь получилось немного лучше. Даже если умы были очищены от желаний под светом Будды и сила ее очарования ослабла, это не повредило ее фундаменту. Однако Цю Консюэ была культиватором призраков, и ей грозила опасность быть выброшенной из мира в сансару, сама ее жизнь была под угрозой.

Из пары дюжин оставшихся учеников Зарождающейся Души восемнадцать сняли парики и обнажили лысые головы, сели, скрестив ноги, и начали читать сутры.

— Что происходит? — воскликнула Шу Яньянь. — Я никогда не слышала, что в этом массиве была куча монахов! Я ничего не могу им сделать!

Цю Консюэ усмехнулась посреди света Будды и сказала:

— Только что мы убили или ранили большинство этих праведных учеников, а остальные получили смертельные ранения и больше не могут сражаться. Наши обязанности уже выполнены. Просто подожди, пока я уничтожу аватара Короля Мудрости, чтобы ты смогла сбежать.

— Ты с ума сошла? Ты хочешь, чтобы тебя отправили дальше? — сказала Шу Яньянь. — Цю Консюэ — это та, кто жертвует собой ради других?

— Ох, заткнись, — Цю Консюэ пнула Шу Яньянь и взлетела вверх. Множество костей торчало из ее тела, блокируя для нее свет Будды.

На свету была едва видна нитка четок. Цю Консюэ чувствовала запах горящего собственного тела, и ее костяной щит постепенно рассеивался под натиском света.

Она нашла это!

Протянув костяные пальцы, она схватила четки и бросила их вдаль.

Шу Яньянь услышала ужасный крик Цю Консюэ, и ее силуэт исчез в свете. Все восемнадцать монахов сплюнули кровью. В этом бою, в котором ни одна из сторон не атаковала, в итоге победителя не было.

Свет Будды исчез. Шу Яньянь взглянула на избитых и окровавленных праведных культиваторов и монахов, у которых больше не было сил сражаться. Ее улыбка исчезла, и она легко сказала:

— Вы можете идти.

Толпа непонимающе уставилась на нее, думая, что она устроит резню. Вместо этого они услышали: «В этой десятилетней войне были бесчисленные жертвы. Как праведным, так и демоническим сектам потребуется столетие, чтобы восстановиться после этого. Достаточно погибло, и я также уже совершила достаточно убийств».

С куском черной ткани в руке она повернулась и ушла, оставив выживших культиваторов недоверчиво смотреть друг на друга.

На окраине горного хребта секты Сюаньюань Бейли Цинмяо неустанно работала, поднимая упавших культиваторов и оказывая первую помощь выжившим. Она направлялась все дальше и дальше, постепенно оставляя позади другие войска, и когда она увидела фигуру в черном одеянии на берегу реки, она быстро подобрала его с помощью Лунного Морозного Шелка.

— Слава небесам, вы все еще живы!

— О боже мой! На вашем теле нет плоти!

— Ваше лицо полностью почернело, я не могу сказать, из какой вы секты.

— Вы мужчина или женщина?

— Не сдавайтесь, вы должны продолжать держаться!

Веки Цю Консюэ дрогнули, разбуженные шумом возле ее ушей. Она слегка приоткрыла глаза и увидела девушку в желтых одеждах, которая со слезами на глазах рассматривала ее.

«Заткнись к черту», — Цю Консюэ открыла рот, чтобы сказать, но обнаружила, что ее горло обожжено, и она может издавать только нечеловеческий хриплый звук.

— Вы все еще живы! — сказала Бейли Цинмяо и начала рыдать. — Пожалуйста, не умирайте. Погибло слишком много людей. Так много старейшин уже ушли. Не умирайте, я больше не хочу видеть, как кто-то умирает!

Цю Консюэ: «...»

Она открыла глаза, и по какой-то причине ей на ум пришла строчка: «Единственный луч восходящего солнца упал на тело Бейли Цинмяо. Выражение ее лица было теплым, но решительным, с прекрасным и чистым желанием спасти других».

Что это был за вздор? Цю Консюэ нахмурила свои почерневшие брови. Как такие дурацкие слова вдруг появились у нее в голове?

<http://bllate.org/book/14223/1254660>